

Аксиосфера городов-побратимов: возможна ли трансляция культурной памяти?*

А. В. Волкова, Т. А. Кулакова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Волкова А. В., Кулакова Т. А. Аксиосфера городов-побратимов: возможна ли трансляция культурной памяти? // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 85–105. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.106>

Статья посвящена осмыслению института городов-побратимов в условиях развивающегося международного кризиса, когда городская дипломатия, успешные практики межгосударственного гражданского сотрудничества, десятилетиями воспринимаемые как незыблемые и ценностно ориентированные, оказались подвергнуты «приостановке» или «отмене». С другой стороны, территориальные изменения 2022 г. по вхождению новых территорий в состав России и установление отношений побратимства российских городов с городами Донбасса придадут институту городов-побратимов новый смысл и важное политико-культурное значение. Формирование и развитие аксиосферы городов-побратимов видится важным фактором развития межрегионального сотрудничества и «связывания» российских территорий. Междисциплинарность настоящего исследования выражается в обращении не только к вопросам публичной политики, социальной философии, культурологии, этики, экономики, но и в стремлении учесть специфику развивающегося цифрового общества, при этом авторы рассматривают вопросы регионального управления с позиции аксиологического подхода. Работа с культурной памятью сегодня может выступать как ресурс выстраивания эффективной культурной политики региона, но конструирование новых смыслов и отношений, образов и приоритетов будущего развития представляется не менее значимым. Авторы отмечают важность гражданских инициатив и движений, социальных медиа, деятельность которых направлена на поддержание социальной сферы и формирование цифровой среды доверия, на интенсификацию городского, гражданского сотрудничества в сети как противовес используемым сегодня агрессивным сетевым практикам антироссийского, русофобского характера.

Ключевые слова: публичная политика, аксиосфера региона, города-побратимы, гражданское участие, государственная региональная политика, цифровые трансформации, трансляция культурной памяти, ценности.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда фундаментальных исследований (Грант РНФ № 22-28-00779 «Суверенность и суверенитет: логика и антинормы глобальной цивилизации»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Введение

Современное публичное управление интерпретируется во всем мире как регулирование, базирующееся на принципе открытости и чувствительности государства к запросам граждан, нацеленное на обеспечение мобильности различных сообществ, отличающееся гибкостью и гуманитарным характером применяемых инструментов. Столь высокая установка и столь привлекательные ориентиры развития делают необходимым постоянное совершенствование этих инструментов для вовлечения в публичность групп и сообществ, для развития обратных связей, для формирования отношений доверия. Кроме того, можно с уверенностью утверждать, что современный интерес к исследованию культурных факторов ощутимо преобразует как современную политическую науку, так и систему управления современных государств, а ценностный подход является сегодня одним из амбициозных и перспективных методологических подходов, способным выявить конфигурацию уникального и универсального в социальных системах.

Концептуальная преемственность между исследованиями политической культуры, культурологической теорией политики (*cultural theory of politics*), «тропой зависимости» («*path dependence*»), а также переосмысление значения системы отношений государственных и негосударственных структур с точки зрения реализации публичных ценностей и интересов, реализованные в рамках менеджмента публичных ценностей, служат наглядным доказательством *аксиологического поворота* в современных общественных науках.

В современных условиях необходимость развивать аксиологический подход в отечественной науке связана не только с масштабным переосмыслением теории и практики государственного управления, с переориентацией системы науки и образования и с целым рядом обстоятельств, ставших результатами международного кризиса 2022 г. Представляется значимым, что обозначенный впервые в новейшей истории страны декларируемый отказ от «заимствования западного опыта» становится реальной политикой государства. С одной стороны, Министерством науки и высшего образования РФ проект «ДНК России», «направленный на вовлечение академического сообщества в процесс создания нового подхода в преподавании блока гуманитарных дисциплин»¹, свидетельствует об активном поиске ценностных ориентиров, с другой стороны, процесс выбора ориентиров может замыкаться на прошлом, среди ресурсов развития культуры, системы цен-

¹ URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/v-universitete-sostoyalas-prezentaciya-proekta-dnk-rossii> (дата обращения: 25.09.2022).

ностей традиции, социальной практики, опыта международной коммуникации, что традиционно, еще с Петровских реформ понималось как ориентация на Европу. Определение особенности своего пути в системе «восток — запад» является традиционным для политического дискурса и публичным для политики. На современном этапе практики прямого и косвенного принуждения в системе международных отношений, «диктатура западных элит», направленная «против всех обществ, в том числе и народов самих западных стран», наряду с серьезными социально-экономическими кризисами, порождают серьезные моральные и ценностные провалы, когда реальностью становится «полное отрицание человека, ниспровержение веры и традиционных ценностей»², что задает вопросы о поиске и выборе ориентиров.

В этом аспекте развитие движения в рамках аксиологического поворота представляется весьма перспективным, поскольку ценностный компонент никогда не был чужд российской науке, и существует возможность опираться на собственные исследовательские традиции. Принимая во внимание современную критику экономического подхода в западноевропейской теории государственного управления, связанную с реализацией идей «нового государственного менеджмента», который во многом способствовал деформациям гражданского мировоззрения, возникновению внутренних конфликтов, создающих угрозу управляемости современных государств, а также учитывая российскую интеллектуальную традицию, в основе которой прослеживается стремление к ценностному подходу, публичные ценности как предельные значения, определяющие взаимодействия в публичной политике, коллективные запросы граждан, сформированные в процессе гражданской коммуникации, перспективы совершенствования системы государственного управления видятся сегодня как последовательное движение в направлении большего внимания к его ценностному содержанию.

Методология

Современные российские философы на рубеже веков активно разрабатывают ценностную проблематику, и это, с одной стороны, позволяет говорить о том, что отечественные общественные науки находятся в русле аксиологического поворота, с другой — свидетельствует о сложности базовых понятий: современное аксиологическое направление включает целый спектр трактовок сущности понятия «ценность»,

---

² Стенограмма обращения Президента РФ. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-obraschenija-prezidenta-rossiiskoi-federacii-30-09-2022.html> (дата обращения: 25.09.2022).

и представлен, соответственно, разными направлениями, которые часто дополняют друг друга [1–3].

Несмотря на скепсис, присутствующий иногда в отношении аксиологии как науки, к примеру, со стороны постмодернизма, следует отметить, что ее значение состоит в продвижении ценностной проблематики в общественных науках в XX–XXI вв. Учитывая современную критику аксиологического подхода, нельзя не заметить, что она связана с разными трактовками основных понятий. Примером настороженного (или даже негативного) отношения к аксиологическому компоненту в научных исследованиях являются работы Р. Саква, который, признавая, что понятие «аксиология» имеет несколько интерпретаций, использует его в своей статье «для обозначения формы политики, которая категорична, монологична и идеологична. Аксиологическая политика предполагает, что некоторые вещи были урегулированы за пределами политического процесса, и, таким образом, политика становится средством для реализации априорных позиций. Ее идеологичность предполагает, что ответы уже найдены... Аксиологическая политика порочит политическую субъективность актеров, будь то отдельные лица, большие группы или государство в целом» [4, с. 9]. Аксиологический подход к политике рассматривается Р. Саквой на контрасте с диалоговой политикой, где важнейшее значение имеет качество политических отношений и плюрализм типов участия в политическом процессе. Аксиологический подход часто оказывается катализатором споров об объективном и субъективном, а ценностные суждения нередко воспринимаются как угроза объективному характеру научного знания.

Представляется, что сегодня аксиологический подход способен позиционировать ответственное отношение к изучаемому объекту и направлен исключительно на осмысление его ценностных характеристик. Спорная проблема оценки, безусловно, существует, но ей не принадлежит центральное место. Потенциал аксиологического подхода, как показал опыт ряда исследований, состоит, прежде всего, в его способности выполнять функцию теоретической «экспертизы» общества по критериям нравственно совершенного, предлагать определенные нравственные ориентиры и идеалы. Однако в условиях политической турбулентности и глобальных изменений в системе международных отношений, которая обострила внутренние проблемы духовного развития, еще большим значением обладает регулятивная функция аксиологической науки: «...конституирование социальных форм взаимодействий людей в групповой, “роевой” жизни, налаживание систем “вовлечения”, “участия”, ценностно, гуманистически регламентирующих обмен деятельностью индивидуальных общественных

существ. Во всех ипостасях самоутверждения социум присутствует как аксиологический фильтр» [5].

Обратившись к наследию М. С. Кагана, обосновывавшего принципы аксиологической теории, можно обнаружить, что он уделял особое внимание совмещению синхронического и диахронического рассмотрения аксиосферы [6]. Под таким совмещением он подразумевал неразрывность анализа формирования и изменения системы ценностей, и в этом смысле культура, политическая культура общества не являются чем-то изначально заданным, неизменным феноменом. Даже такие устойчивые ее характеристики, как традиции, способны изменяться в соответствии с социальной практикой. Вместе с тем отечественная история не раз подтверждала, что в периоды кризисов именно традиции способны обеспечивать сохранение целостности общества, поддерживая его своеобразие. В соответствии с современными трактовками публичной сферы предметом исследования должны быть не быстро меняющиеся установки общества, а фундаментальные представления, составляющие основу отечественной политической культуры.

Интерес к ценностной проблематике со стороны самых разных исследователей (философов, политологов, социологов и других представителей общественных наук), неизменно нарастающий со второй половины XX в. по всему миру, позволяет говорить об аксиологическом повороте, о ренессансе или «аксиологическом буме», но интерес этот обусловлен, как представляется, и весьма прагматическими целями: интересами и требованиями со стороны систем государственного управления. Нельзя забывать, что и для М. Дуглас, предложившей свою антропологическую модель «*group & greed*», и для А. Вильдавски и его последователей глубинным механизмом, объясняющим формирование общественного мнения, являлась культура (культурные установки необходимо предполагают глубоко укорененные ценности и верования, которые стоят на защите различных моделей общественных отношений) [7]. Отсюда — возрастающий интерес к управлению общественным мнением и процессами публичной политики на фоне роста активности граждан и развития различных видов гражданского активизма (волонтерства, вигилантизма и др.), манипулятивных технологий, усложнения электоральных процессов и продвижения феномена «постправды». Убежденность в том, что большинство рядовых граждан не обладают способностью квалифицированно размышлять о политике и возможностью идеологически грамотно формулировать свои предпочтения и что эта «неспособность» идет от культурных установок [8, с. 11], подтолкнула исследователей к разработке таких направлений, как поведенческая экономика, а также стала идеологической базой таких

концепций, как «мягкая сила», «публичная дипломатия». Управление культурой и культурная политика государств стали значимым направлением. Это объясняет и сохраняющийся интерес к международной исследовательской программе Р.Инглхарта, посвященной научному изучению социальных, политических, экономических, религиозных и культурных ценностей в мире с целью оценить, какое влияние оказывает стабильность или изменение ценностей на социальное, политическое и экономическое развитие стран и обществ. Данные этого проекта, который предполагает периодическую публикацию «карт распределения ценностей»³, широко используются государственными чиновниками, журналистами и учеными по всему миру, но особый интерес к проекту отмечен со стороны Всемирного банка.

В условиях, когда большинство людей полагаются на комплекс эмоций и когнитивные установки при формировании своих политических взглядов, культура не просто выступает ориентиром, она подсказывает простые решения и предлагает «сети доверия» (т.е. эмоциональное, ценностное знание), что особенно значимо в условиях сложности, неопределенности, в условиях спорной политики. «Вовлечение в публичность широкой публики как инновация государственного управления обнаружило не только позитивные аспекты применяемой управленческой технологии, но и риски при растущей социально-экономической дифференциации общества, культурных и образовательных разрывах состояния различных социальных групп, которые усилились на фоне опасной пандемии, активного внедрения цифровых инструментов управления» [9, с.108]. Вот почему при оценке, разработке политики и выбора инструментов государственного управления «нельзя не видеть и того, что политические мотивации госслужащих связаны не со служебными нормами, а с идейно-ценностными или персональными формами лояльности к власти и лидерам, партийным или групповым ценностям и программам (которые могут противостоять требованиям юридической и административной ответственности)» [10, с. 57]. Следовательно, важнейшим моментом в управлении публичной политикой является работа по снижению противоречий между ценностями основных акторов (представителей власти, включая госбюрократию, гражданского общества и бизнеса).

Среди современных концепций, связывающих государственное управление с формированием или трансляцией системы ценностей, концепция «мягкой силы» Дж.Ная, имеющая ярко выраженное прикладное значение как при моделировании международных процессов,

---

³ URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 20.09.2022).

так и внутри национальных государств, занимает особое место. Обоснованная им «мягкая сила» сегодня является значимым коммуникационным инструментом государственной политики, реализуемой через официальные и неофициальные институты с целью оказания влияния на общественное мнение как внутри страны, так и за рубежом.

Не вызывает сомнений, что концепция Дж. Найа не лишена слабых мест и к ней можно относиться по-разному, но значимость выявленных им компонентов (культура, политические ценности, внешнеполитические установки), от привлекательности которых зависят «мягкая сила» государства [11, р. 11] и потенциал его влияния, сегодня нельзя не признать. Традиционно ресурсы «мягкой силы» определяются ценностями организации или страны, что выражено в культуре и может быть проиллюстрировано внутренними правилами, законами, политикой. Это имеет принципиальное значение для выстраивания отношений взаимодействия в системе координат «свой — чужой». Примечательно, что, несмотря на сложность международной обстановки и несколько скептическое отношение к концепции со стороны отечественных политологов, Дж. Най был почетным гостем IX Всероссийского конгресса политологов «Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы» в 2021 г. и выступил онлайн с пленарным докладом⁴.

Результаты исследования

Интерес к ценностной проблематике со стороны различных наук, на наш взгляд, заслуживает особого внимания в современных условиях не только в связи с общероссийскими проблемами, но и в контексте развития государственной региональной политики.

Как известно, социально-экономическое развитие территорий на протяжении последнего десятилетия определяли: нарастающие темпы информационного и коммуникационного обмена, внешнеэкономические факторы, трансформация стандартов качества жизни, повышение требований к государственным и муниципальным структурам со стороны населения, риски цифровизации. Пандемия COVID-19, проведение специальной военной операции на Украине в 2022 г., напряженное политико-экономическое противостояние с рядом стран Запада и формирование списка «недружественных России стран» несколько не снижают, а, напротив, делают крайне актуальными эти стратегиче-

---

⁴ URL: https://www.rapn.ru/partner/files/1_programma_kongress_rapn_2021.pdf (дата обращения: 24.09.2022).

ски важные ориентиры. Новый смысл и актуальность получает такая значимая задача социально-экономического развития российских регионов, как обеспечение становления высокотехнологичных, наукоемких, конкурентоспособных, устойчивых к вызовам наблюдаемой сегодня политико-экономической турбулентности региональных систем. Особое значение это имеет для мегаполисов, городов федерального значения и новых территорий, вошедших в состав РФ. Разработка уникальных локальных схем и вовлечение в процессы принятия решений негосударственных акторов подтверждается современными методиками оценки развития мегаполисов (Рейтинг городов Института территориального планирования «Урбаника», *Global Power City Index*, *Cities Globalization Index*, *Mercer Quality of Living Survey*, *The Global Cities Index*, *A. T. Kearney's Global Cities Index*, *Knight Frank Global Cities Index* и др.) [12, с. 89], а в настоящее время, пожалуй, как никогда ранее, обостряется необходимость поиска (или формирования) регионами своих уникальных конкурентных преимуществ.

Современные российские исследователи проявляют интерес к региональной политике разных наук. Так, по мнению С. Д. Бакулиной, аксиологический подход к региональному управлению состоит в понимании региона территориальной единицей «с единообразным и относительно автономными социальными, экономическими и культурными условиями, для которой характерно определенное мышление, уникальные традиции, специфическое мировоззрение и мироощущение», региональное пространство выступает как территория, обладающая социально-исторической целостностью, способствующая формированию идентичности [13, с. 58], что предполагает наличие более или менее устойчивого механизма трансляции ценностей. Санкт-Петербург, на наш взгляд, наиболее полно отражает заложенные в данном определении принципы.

Уникальность территориального развития и конкурентные преимущества Санкт-Петербурга обусловлены географически, исторически и крайне актуальны сегодня. Имидж города связан с установлением и развитием международных контактов и укреплением партнерских связей со странами ближнего и дальнего зарубежья, которые в дальнейшем становятся достоянием всей России. Город не раз становился площадкой пилотных проектов, значимых для позиционирования РФ в мире и для других субъектов РФ сегодня (ПМЭФ, программа «Диалог», «Арктика — территория диалога» и т. д.).

В отличие от других регионов РФ и СЗФО международные связи Санкт-Петербурга не ограничены одним направлением, а в равной степени представлены такими направлениями, как торговля, культура,

наука, образование, промышленность, финансы, и интенсивность коммуникации растет год от года.

Международная деятельность Санкт-Петербурга осуществлялась в рамках более 120 соглашений о сотрудничестве с зарубежными городами и регионами и более 60 соглашений с регионами и городами РФ, однако события 2022 г. не только внесли значительные коррективы в осуществление международного партнерства, но также актуализировали необходимость активного взаимодействия с вновь присоединенными территориями. Важной миссией Санкт-Петербурга становится отношение побратимства с Мариуполем.

Исследования, проводимые СПбГУ в 2016–2021 гг., зафиксировали значимое число публикаций в СМИ с положительными оценками туристической привлекательности города, инвестиций, конгрессной деятельности, международных политических событий, проходивших в городе. В городе проходят крупные конгрессные мероприятия: Петербургский Партнериат малого и среднего бизнеса «Санкт-Петербург — регионы России и зарубежья», «Санкт-Петербург и славянский мир», «Евразийский вызов».

События 2014–2022 гг. актуализировали необходимость исследований аксиосферы региона в контексте быстро меняющейся геополитической реальности и целенаправленной работы по формированию и развитию гражданской поддержки новой роли Санкт-Петербурга как лидера в деле восстановления города-порта Мариуполя и развития связей с территориями Донбасса. Дело не только и не столько в экономической помощи, которую, безусловно, может оказать правительство и бизнес второго по величине мегаполиса России разрушенному городу-побратиму, а в формировании общей аксиосферы, в организации процесса трансляции культурных ценностей, транслокации культурных брендов и взаимного усиления позиций городов. Такая работа немислима без идейного обоснования, без широкого гражданского участия и поддержки горожан, она должна строиться на таких ценностных установках, как сопереживание, солидарность, сотрудничество, а учитывая цифровые трансформации и особенности взаимодействия внутри разных поколений, — должна одинаково активно вестись как в офлайн-, так и в онлайн-пространствах.

Следует учесть, что на протяжении XX в. сформировалось особое отношение к Санкт-Петербургу (Ленинграду) не только в международных кругах, но и внутри своей страны. Память о блокаде, эвакуации и восстановлении Ленинграда, всегда давала право Санкт-Петербургу на особых условиях говорить с соотечественниками на постсоветском пространстве и с гражданами всех регионов России. Это особый ста-

тус города как международного и межрегионального коммуникатора. В 2017 г. в петербургских проектах приняли участие около 550 соотечественников из более чем 40 стран мира (это преподаватели русского языка и литературы, ветераны и блокадники, ученые и деятели искусств, журналисты и исследователи). В зарубежных мероприятиях участвовало более 10 000 чел., что в 2 раза больше, чем в 2016 г. (в 2013 г. — 3800 чел.). По данным мониторингов, осуществляемых учеными СПбГУ на протяжении нескольких лет, такая активность поддерживается гражданами города.

Даже учитывая последствия современного международного кризиса, можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день ни один из регионов СЗФО и РФ не выполняет в таком объеме коммуникативные функции в международной сфере на пространстве СНГ и РФ и не поддерживает такие активные и разноплановые международные и региональные связи, как Санкт-Петербург. Международные связи мегаполиса часто рассматриваются российскими и городскими СМИ в контексте крупных информационных поводов городской жизни, имеющих четкий тематический профиль (например, экономическое сотрудничество — ПЭМФ, контакты в сфере культуры — МКФ). С другой стороны, изоляция периода пандемии и санкционный режим актуализировали значение сотрудничества между регионами России и сотрудничества со странами СНГ, а события 2022 г. — взаимодействие с присоединенными территориями.

Опыт разрешения настоящего кризиса еще раз подтвердил, что наряду с системой глобальных и региональных международных организаций, официальных договоров и соглашений в мире действует и активно развивается множество неофициальных договорных стратегий (как явных, так и латентных), которые продвигаются в офлайн- и онлайн-пространствах, в управлении которыми идет ожесточенная борьба [14].

Следует признать, что такие подходы и концепции, как аксиологический подход, «публичная дипломатия», формирование публичных ценностей, не утратили своей актуальности, а, напротив, заставляют задуматься о новых технологиях и формах работы. Так, в частности, в условиях развития международного кризиса в 2022 г., вызванного началом российской специальной операции на Украине, вскрылись ценностные противоречия и идеологические конфликты, обусловившие во всем мире столь противоречивые, неоднозначные и разнонаправленные активности по достижению своих целей. Разработка и применение когнитивных технологий по формированию негативного образа России в сознании украинских граждан, россиян и европейцев, которые велись рядом зарубежных, международных и даже российских структур. Здесь,

в частности, следует упомянуть деятельность украинского (международного) Центра информационно-психологических операций (ЦИПСО), представителями которого с 2004 г. велась активная и агрессивная антироссийская пропаганда, особенно эффективно распространявшаяся через сеть Интернет. Это осознается сегодня как новый серьезный вызов не только для Правительства РФ, но и для бизнес-структур, учреждений науки и культуры, религиозных организаций и лидеров различного уровня.

Для Санкт-Петербурга, созданного как открытый город и на протяжении трехсотлетней истории успешно развивавшего контакты с ближним и дальним зарубежьем по целому ряду направлений (торговля, культура, наука и т.д.), значимо, что и на современном этапе Санкт-Петербург не воспринимается как просто нейтральная переговорная площадка ни политическими деятелями, ни СМИ, ни гражданами, город формирует уникальное публичное пространство, и работа в этом направлении должна быть системной. Это означает, что на управленческие структуры городского правительства ложится необходимость разработки эффективных среднесрочных и долгосрочных стратегий развития городов в условиях высокой политико-экономической неопределенности, а также — необходимая работа по формированию гражданской поддержки и транслокации ценностей.

Это неотъемлемая часть городского политического процесса, способствующего формированию позитивного имиджа территории, наращиванию социального и креативного капитала территории и стратегическому социально-экономическому развитию Санкт-Петербурга, но, с другой стороны, это важная культурная миссия, в которой сегодня заинтересована вся страна. Она состоит, на наш взгляд, в идейном, ценностном, эмоциональном связывании территорий российского государства — традиционных и вновь присоединенных регионов, как обладающих выстроенной системой культурной политики и сильными культурными брендами [15], так находящихся в процессе «реновации» или же восстановления и формирования новой культурной политики. Переосмысление и «перезагрузка» партнерства городов-побратимов в этом процессе занимает особое место.

Как известно, основной целью установления городов-побратимов было оказание поддержки союзникам и примирение народов, воевавших во Второй мировой войне друг против друга. В качестве точки отсчета называются различные гражданские и государственные инициативы. Впервые в СССР термин «города-побратимы» был введен в 1944 г, когда города Ковентри в Великобритании и Сталинград установили особые отношения сотрудничества. Общим для этих

небольших промышленных центров были страшные бомбежки, осуществленные в разное время, но одним врагом. Слова поддержки женщин Ковентри из послания Сталинграду и сегодня вызывают эмоциональный отклик: «Из города, растерзанного в клочья главным врагом мировой цивилизации, наши сердца тянутся к вам, тем, кто гибнет и страдает гораздо больше нашего»⁵. Международная Программа взаимодействия городов-побратимов началась в 1956 г. с конференции президента США Дуайта Д. Эйзенхауэра в Белом доме, которая была направлена на укрепление международного сотрудничества и диалога⁶. Для закрепления движения городов-побратимов в СССР в 1964 г. была создана Ассоциация по связям советских и зарубежных городов, позже она была укрупнена до Союза советских обществ дружбы, который, в свою очередь, стал членом Всемирной федерации породненных городов.

Важно, что установление особых отношений городов Ковентри и Сталинграда ознаменовалось символическим актом передачи скатерти, вышитой женщинами города и меча от короля Георга «Стойким жителям Сталинграда в подарок от английского короля Георга VI в знак безграничного уважения от людей Великобритании». Неформальное движение, гражданская активность, основанная на таких ценностных установках, как сотрудничество, сопереживание, поддержка предшествовали и намного опередили активности по формализации этих отношений: только в 2004 г. в честь 60-летия партнерских связей Волгоград и Ковентри подписали официальное соглашение о побратимстве, формализовавшее многолетнее партнерство. Печально, но весьма показательно, что именно муниципальный совет Ковентри стал первым, объявившим о разрыве побратимских отношений («приостановке»), побратимских связей с российским Волгоградом из-за спецоперации России на Украине. В заявлении было указано, что город «будет изучать возможность установления побратимских связей с украинским городом Мариуполем», что стало невозможным при вхождении ДНР по результатам референдума в состав РФ⁷.

Последовавший затем «веерный», «лавинообразный» процесс разрыва или приостановки отношений побратимства перечеркнул, по сути, всю историю и весь накопленный опыт в процессе сотрудниче-

---

⁵ URL: http://lingva.volsu.ru/partner/coventry/vd-cov_history.htm (дата обращения: 25.09.2022).

⁶ URL: <https://case.edu/ech/articles/cleveland-sister-city-partnerships> (дата обращения: 25.09.2022).

⁷ URL: <https://ria.ru/20220323/razryv-1779671529.html> (дата обращения: 19.09.2022).

ства городов, которое сохранялось в условиях холодной войны, помогло преодолеть ряд международных кризисов. Оптимистичные суждения современных исследователей, утверждавших еще год-два назад, что «при всей проблематичности состояния современной международной системы институт побратимства демонстрирует модель устойчивого партнерства, принимая правила игры, максимально конгруэнтные двусторонним интересам. Исторически сложившиеся прочные социальные связи, прагматизм и неподверженность разделяющему политико-идеологическому фактору формируют основание для противостояния вызовам и поддержания сотрудничества на должном уровне... Приходится признать, что города-побратимы утрачивают «способность к проведению самостоятельной политики, используя инструменты “дипломатии близости” и “мягкой силы”, без оглядки на свои правительства и с выгодой для локальных сообществ» [16, с. 27].

Уже 1 марта 2022 г. финский город Турку приостановил сотрудничество в рамках побратимства с Санкт-Петербургом, установленного еще в 1953 г., в связи с военной операцией РФ на Украине. Об этом сообщил ТАСС со ссылкой на сообщение пресс-службы городской администрации. Все текущие совместные проекты двух городов приостанавливаются, о чем губернатор А. Беглов был немедленно уведомлен, при этом сроки приостановки и условия возобновления побратимства не были обозначены⁸. Независимо от развития ситуации в будущем факт «приостановления побратимства» европейскими и американскими городами является новым для процессов российской публичной политики и ставит под сомнение гуманитарную функцию городов-побратимов в международных политических процессах.

Таким образом, события 2022 г. показали, что ни многомерные процессы глобальной трансформации, включая «планетарный урбанизм», ни осуществляющаяся (или только декларированная) на разных уровнях децентрализация управления, ни расширение и усиление автономных сетевых взаимодействий, ни появление «субгосударственных акторов» с властным потенциалом не смогли остановить масштабное, демонстративное и политически обусловленное движение отмены «братских уз» западноевропейскими городами.

В сложившейся ситуации, безусловно, позитивным моментом является тот факт, что еще в 2017 г. установление отношений побратимства было названо одним из основных направлений деятельности Интеграционного комитета «Россия — Донбасс». Между городами и муниципалитетами России и Луганской и Донецкой Народных Ре-

---

⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238269> (дата обращения: 19.09.2022).

спублик регулярно подписываются соглашения о взаимодействии и сотрудничестве. Как отмечено в информационных материалах Центра, эти «соглашения направлены на развитие дружественных связей по взаимодействию и расширению историко-культурного, патриотического и социально-экономического сотрудничества. Приоритетными направлениями двустороннего сотрудничества являются развитие отношений в области культуры, образования и молодежной политики»⁹. Но, к сожалению, эта деятельность государственных структур не была в достаточной мере обеспечена усилиями по продвижению информации об этой активности через институты гражданского общества, поддержкой со стороны молодежных движений, не распространялась в структурах сетевого гражданского общества с целью обеспечения вовлечения граждан и получения широкой гражданской поддержки.

Кроме официальной страницы губернатора¹⁰, страницы Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и официальных СМИ города¹¹, в материалах которых содержится информация о новых направлениях деятельности региона и развития связей с городами-побратимами, информация и продвижение должны идти и по неформальным каналам, с использованием страниц крупнейших культурных центров города.

Среди крупных культурных, научных центров Санкт-Петербурга, каждый из которых имеет официальную страницу в социальной сети «ВКонтакте» и многотысячную аудиторию подписчиков (Государственный Эрмитаж¹² (363 345 подписчиков), Русский музей¹³ (207 410 подписчиков) Санкт-Петербургский государственный университет¹⁴ (74 594 подписчика), информация о взаимодействии Санкт-Петербурга и Мариуполя представлена крайне незначительно, в основном — на страницах вузов (например, в СПбГУ), где разворачиваются программы научно-образовательного сотрудничества с образовательными учреждениями вновь присоединенных республик и областей.

Среди наиболее популярных в сети узлов неформальной сетевой коммуникации: «Это Питер, детка!» [Типичный Питер] (Лучшее о Санкт-Петербурге, интересные мероприятия и заведения)¹⁵ (1 161 379 подписчиков), «Мой Питер»¹⁶ (754 039 подписчиков), «Пи-

⁹ URL: <https://russia-donbass.ru/pobratimy-donbassa/> (дата обращения: 25.09.2022).

¹⁰ URL: <https://www.gov.spb.ru/governor/> (дата обращения: 25.09.2022).

¹¹ URL: <https://spbndevnik.ru/news/2022-10-05/aleksandr-belskiy-otsenil-rabotu-peterburzhtsev-po-vosstanovleniyu-mariupolya> (дата обращения: 25.09.2022).

¹² URL: https://vk.com/hermitage_museum (дата обращения: 25.09.2022).

¹³ URL: <https://vk.com/rusmuseum> (дата обращения: 25.09.2022).

¹⁴ URL: <https://vk.com/spb1724> (дата обращения: 27.09.2022).

¹⁵ URL: <https://vk.com/piter> (дата обращения: 27.09.2022).

¹⁶ URL: <https://vk.com/my.piter> (дата обращения: 25.09.2022).

тер :) Подписывайся и будь в курсе жизни Петербурга»¹⁷ (397 895 подписчиков), «Санкт-Петербург. Интересные события и новости Петербурга» (248 317 подписчиков), «Санкт-Петербург. Всё о Санкт-Петербурге»¹⁸ (107 834 подписчика), «Регион 78» | Санкт-Петербург. Новости и жизнь любимого города в режиме non-stop¹⁹ (34 921 подписчик) — обнаружить информацию о новой миссии Санкт-Петербурга и материалы, направленные на формирование (развитие) позитивного имиджа города в новых условиях, не удалось. При этом одна из наиболее посещаемых страниц «Санкт-Петербург Live»²⁰ (761 460 подписчиков) содержит идеологические установки, противоречащие интересам государства и региона.

Дискуссия

Как совершенно справедливо отмечает С. Д. Бакулина, «Погружение в знаковое пространство места дает возможность избежать воздействия визуальных, вербальных штампов, нередко насильственно определяющих его существование. Поликультурная среда региона, сформированная на основе закрепленных аксиологических ориентаций, — это форма, для которой содержание создает человек, выстраивая свою деятельность с учетом не только заказа времени, но и специфики аксиологической доминанты местопроживания» [13, с. 58]. Социально-культурное проектирование — актуальная стратегия развития территории и процесс побратимства городов — может быть использовано как активный механизм межрегионального взаимодействия при условии, что меры социально-экономического характера будут основываться на безусловной поддержке инициатив со стороны граждан.

В связи с проблемой управляемости государства в условиях интенсивных цифровых трансформаций необходимо применять и уточнять понятие «состоятельность граждан», поскольку Й. Изензее, утверждал, что в правовом государстве «создание общественного блага на основании зафиксированных в законе прав передается компетенции граждан... Не права и свободы обеспечивают общественное благо, а граждане, которые эти права разумно реализуют», поскольку «в рамках предоставленных законом прав общественное благо зависит от работы, от усилий, от порядочности граждан, действующих не по распоряжению государства, а по собственной инициативе, по собственному плану»»

---

¹⁷ URL: https://vk.com/gorod_na_neve (дата обращения: 25.09.2022).

¹⁸ URL: <https://vk.com/online.piter> (дата обращения: 21.09.2022).

¹⁹ URL: <https://vk.com/regio78> (дата обращения: 22.09.2022).

²⁰ URL: <https://vk.com/spb.live> (дата обращения: 15.09.2022).

[17, с. 45]. Данное утверждение Й. Изензее справедливо не только для процессов национального, государственного уровня (например, как в случае выбора современной Германией идеи «конституционализма» для сплочения граждан, формирования идентичности и поддержания чувства гордости за свою страну), но и в отношении гражданской активности на региональном, муниципальном уровнях управления, в структурах гражданского общества. Таким образом, несмотря на значимость правового, экономического регулирования при выборе стратегии развития региона, социально-культурное проектирование и развитие гражданского ответственного участия выступают неотъемлемой, фундаментальной стратегией развития территории. Работа с культурной памятью сегодня может выступать как ресурс выстраивания эффективной культурной политики региона, но конструирование новых смыслов и отношений, образов и приоритетов будущего развития представляется не менее значимым.

Работа с культурной памятью как ресурс выстраивания эффективной культурной политики региона сохраняет свое значение, но не является единственно возможной. Политический смысл трансляции ценностей состоит в связывании территорий российского государства, и особое значение имеют гражданские инициативы и движения, социальные медиа, деятельность которых направлена на поддержание социальной сферы и формирование цифровой среды доверия, на интенсификацию городского, гражданского сотрудничества в сети и выстраивание привлекательного образа будущего как противовеса используемым сегодня агрессивным сетевым практикам антироссийского, русофобского характера.

Серьезной проблемой является отсутствие позитивного образа Мариуполя в «брендовом» формате, что не могло быть сформировано до событий 2022 г., который мог бы продвигаться в Санкт-Петербурге. Вопрос формирования заинтересованности петербуржцев в туризме и развитии отношений с новым российским портом в настоящий момент не может быть реализован в полной мере. Мариуполь не имеет позитивного образа, а существующий вариант сформировался из характеристик, которыми город объективно обладает, это не является результатом целенаправленной, структурированной медиакмпании. Важно, чтобы такие представления формировались не только стихийно и на уровне обыденного сознания, но были частью целенаправленной и системной работы как традиционных средств массовой информации, так и социальных медиа, а также строились на вовлечение в данный вид межрегионального и межмуниципального сотрудничества представителей гражданского общества и бизнеса.

Сформулированные Дж.Блаттером принципы трансграничного сотрудничества (идейные, утилитарные, конкретно-целевые) [18] могут быть использованы гораздо шире и применимы для понимания способностей к сотрудничеству городов-побратимов. Так, к примеру, идейционистские способности городов подразумевают определение идейной близости, формирование и продвижение общей системы ценностей. Способности к развитию утилитарного направления сосредоточены на возможностях находить и приумножать взаимную пользу, взаимно усиливать конкурентные преимущества. Способности целеполагания видятся в данном случае как идентификация общих интересов (базовых или ситуационных), возможностей совместного лоббирования интересов и обеспечение достижения общих целей.

Очевидно, что взаимодействие городов-побратимов — это пространство междисциплинарных исследований. Политический аспект роли культурного бренда в процессе трансляции культурной памяти и в поддержании региональной идентичности относится к новому направлению региональной политики.

Выводы

В современной научной литературе аксиологический подход к региональному управлению состоит в понимании региона территориальной единицей, которая, обладая единообразными социальными, экономическими и культурными характеристиками, способна формировать и определенное мышление, уникальные традиции, специфическое мировоззрение и мироощущение, что и обеспечивает понимание регионального пространства как территории, обладающей и социально-исторической целостностью.

В условиях сложного, многоуровневого процесса присоединения к России новых территорий, жители которых в ходе референдумов реально подтвердили и отстаивали свое право быть с Россией, процесс побратимства российских городов выступает как хорошо знакомый, но вместе с тем новый (переосмысленный), потенциально высокоэффективный механизм межрегионального взаимодействия и обеспечения процесса связывания территорий, при условии комплексного подхода и развития аксиосферы городов-побратимов, территорий и государства в целом.

Историческая память, эмоционально окрашенные воспоминания, сотрудничество и преодоление общих проблем, безусловно, остаются важным аспектом гуманитарного взаимодействия городов, территорий, государств, однако, учитывая неоднозначность и разнонаправлен-

ность социально-политических процессов начала этого века, возникает необходимость активного включения молодого поколения в процессы публичной политики. Приходится учитывать и тот факт, что молодое поколение больше не разделяет яркие воспоминания об общем прошлом городов и народов, и события прошлого века для них не столь эмоционально окрашены и близки, а отсюда — тенденция к сосредоточению внимания на гуманитарных проектах и поисках новых ориентиров. Период политической турбулентности породил ряд фундаментальных вызовов, а именно: гражданские коммуникации в условиях информационных войн и будущее городских отношений. В мире в период пандемии и в условиях «новой реальности» активизировались усилия по цифровизации городских отношений, и следует не только сохранить надежду о будущем этого направления, но и обеспечить целенаправленную и системную работу по формированию аксиосферы регионов с опорой на идейные установки Российского государства. Однако следует отметить, что сохранение стихийных коммуникаций в среде цифрового гражданского общества вряд ли будет достаточно, чтобы иметь отношения устойчивыми, так как концепция городов-побратимов с принципом свободного общения горожан в международной среде продемонстрировала, что они развиваются или приостанавливаются с личным участием отдельных лиц и гражданского общества в более широком смысле и определяются транслируемой системой ценностей. Определение факторов формирования гражданской поддержки активности Санкт-Петербурга в деле восстановления Мариуполя и развития связей с территориями Донбасса как усиление своих позиций видится нам в качестве перспективной и привлекательной задачи.

Литература

1. Розов, Н. С. (1998), *Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии*. Новосибирск: Изд-во НГУ.
2. Выжлецов, Г. П. (2016), Аксиология культуры на рубежах веков. *Международный журнал исследований культуры*, № 2 (23), с. 15–26.
3. Данилов, А. Н. (2022), Культура как «плавильный котел» истории: ценностный профиль новой цивилизации, *Философия истории философии*, СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, с. 7–19.
4. Саква, Р. (2014), *Ценностная политика vs политика диалога в современной Европе*, *Полис*, № 2, с. 8–17.
5. Ильин, В. В. (2005), *Аксиология*, М.: Изд-во МГУ, с. 20–21.
6. Каган, М. С. (1997), О принципах разработки философской теории ценностей, *Вестник СПбГУ*, сер. 6, № 2 (13), с. 6–10.
7. Волкова, А. В. (2013), *Публичные ценности и система государственного управления в России*, СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
8. Gastil, J., Braman, D., Kahan, D., Slovic, P. (2011), The Cultural Orientation of Mass Political Opinion, *PS. Political Science and Politics*, October, vol. 44, pp. 7–11.

9. Кулакова, Т. А., Волкова, А. В. (2022), Цифровой вигилантизм: спектакль против реальности? *Философия истории философии*, СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, с. 107–125.

10. Соловьев, А. И. (2021), *Политика и управление государством. Очерки теории и методологии*, М.: Аспект Пресс.

11. Nye, J.S. (2005), *Soft Power: The Means to Success in Worlds Politics*, New York: Public Affairs Press.

12. Волкова, А. В., Борисова, О. В. (2020), Гражданская оценка развития инновационной инфраструктуры мегаполиса: вызовы и уроки современной административной реформы, *Вестник Пермского университета. Политология*, № 1 (14), с. 88–96.

13. Бакулина, С. Д. (2013), *Аксиосфера региона: опыты трансляции и способы репрезентации культуры места (на материале южных регионов Западной Сибири)*, Омск: Изд-во ОмГПУ.

14. Кулакова, Т. А. (2011), *Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества*, СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.

15. Пашкус, В. Ю. (2022), Стратегия прорывного позиционирования и ее применение при продвижении брендов территорий, *Современные политические стратегии*, СПб.: Русская христианская гуманитарная академия.

16. Пустошинская, О. С., Саймонс, Г., Никуленков, В. В. (ред.) (2021), *Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты, Международная научно-практическая конференция*, Тюмень: Изд-во ТюмГУ.

17. Изензее, Й. (ред.) (2005), *Политическая философия в Германии*, М.: Современные тетради.

18. Blatter, J. (2003), Beyond hierarchies and networks: Institutional logics and change in transboundary spaces, *Governance*, № 4 (16), с. 503–526.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2022 г.;
рекомендована к печати 25 ноября 2022 г.

Контактная информация:

Волкова Анна Владимировна — д-р полит. наук, проф.; AV.Volkova@rambler.ru
Кулакова Татьяна Александровна — д-р полит. наук, проф.; t.kulakova@spbu.ru

Axiosphere of sister cities: Is it possible to transmit cultural memory?*

A. V. Volkova, T. A. Kulakova,

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Volkova A. V., Kulakova T. A. Axiosphere of sister cities: Is it possible to transmit cultural memory? *Philosophy of the History of Philosophy*, 2022, vol. 3, pp. 85–105. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.106> (In Russian)

The article is devoted to understanding the institution of sister cities in the context of the developing international crisis, when urban diplomacy, successful practices of

---

* The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (Grant of the Russian Academy of Sciences no. 22-28-00779 “Sovereignty and sovereignty: logic and antinomies of global civilization”).

interstate civil cooperation, perceived for decades as unshakable and value-oriented, were subjected to “suspension” or “cancellation”. On the other hand, the territorial changes in 2022, the entry of new territories into Russia and the establishment of twinning relations between Russian cities and the cities of Donbass give the institution of sister cities a new meaning and important political and cultural significance. The formation and development of the axiosphere of twin cities is seen as an important factor in the development of interregional cooperation and the “binding” of Russian territories. The interdisciplinary of this study is expressed in addressing not only issues of public policy, social philosophy, cultural studies, ethics, economics, but also in the desire to take into account the specifics of the developing digital society, while the authors consider regional governance issues from the position of an axiological approach. The working with cultural memory today can act as a resource for building an effective cultural policy in the region, but the construction of new meanings and relationships, images and priorities for future development is no less significant. The authors note the importance of civil initiatives and movements, social media, whose activities are aimed at maintaining the social sphere and creating a digital environment of trust, at intensifying urban, civil cooperation in the network as a counterbalance to the aggressive anti-Russian, Russophobic network practices used today.

Keywords: public policy, axiosphere of a region, sister cities, civic participation, state regional policy, digital transformations, transmission of cultural memory, values.

References

1. Rozov, N. S. (1998), *Values in a Problematic World: Philosophical Foundations and Social Applications of Constructive Axiology*, Novosibirsk: NGU Publ. (In Russian)
2. Vyzhletsov, G. P. (2016), Axiology of culture at the turn of the century, *International Journal of Cultural Studies*, vol. 23, no. 2, pp. 15–26. (In Russian)
3. Danilov, A. N. (2022), Culture as a “melting pot” of history: The value profile of a new civilization, *Philosophy of the History of Philosophy*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press, pp. 7–19. (In Russian)
4. Sakwa, R. (2014), Value politics vs the politics of dialogue in modern Europe, *Polis*, no. 2, pp. 8–17. (In Russian)
5. Ilyin, V. V. (2005), *Axiology*, Moscow: Moscow University Press. (In Russian)
6. Kagan, M. S. (1997), On the principles of developing a philosophical theory of values, *Vestnik of St. Petersburg State University*, ser. 6, vol. 13, no. 2, pp. 6–10. (In Russian)
7. Volkova, A. V. (2013), *Public Values and the System of Public Administration in Russia*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
8. Gastil, J., Braman, D., Kahan, D., Slovic, P. (2011), The Cultural Orientation of Mass Political Opinion, *PS. Political Science and Politics*, October, vol. 44, pp. 7–11.
9. Kulakova, T. A., Volkova, A. V. (2022), Digital Vigilantism: Spectacle versus Reality? *Philosophy of the History of Philosophy*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press, pp. 107–125. (In Russian)
10. Soloviev, A. I. (2021), *Politics and State Administration. Essays on theory and methodology*, Moscow: Aspect Press. (In Russian)
11. Nye, J. S. (2005), *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York: Public Affairs Press.
12. Volkova, A. V., Borisova, O. V. (2020), Civil assessment of the development of the innovation infrastructure of the metropolis: Challenges and lessons of modern administrative reform, *Bulletin of the Perm University. Political Science*, vol. 14, no. 1, pp. 88–96. (In Russian)

13. Bakulina, S. D. (2013), *Axiosphere of the region: Experiences of translation and ways of representing the culture of the place (on the material of the southern regions of Western Siberia)*, Omsk: OmGPU Publ. (In Russian)
14. Kulakova, T. A. (2011), *The politics of change: Administrative reforms and interaction between the state and society*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
15. Pashkus, V. Yu. (2022), Breakthrough positioning strategy and its application in promoting brands of territories, *Modern Political Strategies*, St. Petersburg: Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia Publ. (In Russian)
16. Pustoshinskaya, O. S., Simons, G., Nikulenkov, V. V. (ed.) (2021), *Twin cities: State, development opportunities, challenges, priorities, International Scientific and Practical Conference*, Tyumen: Tyumen University Publ. (In Russian)
17. Isensee, J. (ed.) (2005), *Political philosophy in Germany: Collection of articles*, Moscow: Sovremennye tetradi Publ. (In Russian)
18. Blatter, J. (2003), Beyond hierarchies and networks: Institutional logics and change in transboundary spaces, *Governance*, vol. 16, no. 4, pp. 503–526.

Received: November 18, 2022

Accepted: November 25, 2022

Authors' information:

Anna V. Volkova — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; AV.Volkova@rambler.ru
Tat'jana A. Kulakova — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; t.kulakova@spbu.ru